УДК 61 (91)

СУДЬБА ДЕТЕЙ ПОДКИДЫШЕЙ В АНТИЧНОМ МИРЕ

© *Ольга Александровна Джарман, Галина Львовна Микиртичан*

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет» Минздрава России. 194352, г. Санкт-Петербург, ул. Литовская, 2

Контактная информация: Ольга Александровна Джарман — к. м. н., старший преподаватель, кафедра гуманитарных дисциплин и биоэтики. E-mail: olwen2005@gmail. com

РЕЗЮМЕ: В статье представлен анализ такого феномена как оставление детей на произвол судьбы, бывшее повседневной реальностью жизни античной Греции и Рима. Хотя против него раздавались отдельные голоса современников, долгое время ситуация не менялась, античным обществом оно воспринималось как «неизбежное зло». Исследование античного феномена «выбрасывания» или «оставления» детей приобрело особую актуальность в настоящее время в связи с возросшим интересом к античной семье и античной женщине, но дискуссия на эту тему велась учеными на протяжении нескольких веков. Среди источников самыми важными и наиболее полно дошедшими до нас являются римские правовые, а также многочисленные античные литературные, в которых надо учитывать особенности жанра. У знаменитого врача Древнего Рима Сорана Эфесского в дошедшем до нас труде «О женских болезнях» одна из глав называется «Как распознать новорожденного, которого стоит вскармливать». Оставление детей было определенной альтернативой инфантициду, распространенному у многих народов древности. Однако большинству оставленных детей также грозила смерть. Одной из причин существования и принятия обществом феномена оставления детей было то, что они пополняли рабскую рабочую силу. Свободнорожденные дети, которые были оставлены на произвол судьбы, но выжили и были выращены как рабы, сохраняли свое право свободнорожденного, и могли в дальнейшем получить свободу, доказав свой изначальный статус. Христианство значительно изменило отношение государства к детям-подкидышам в Римской империи. Примечательно, что рост влияния христианства и провозглашение его как государственной религии в конце IV века совпало по времени с нарастающей в римском обществе тенденцией более негативно воспринимать оставление детей, как с моральной точки зрения, так и в соответствии с демографической политикой императоров. В результате менее чем за три века в Римской империи произошла перемена правого отношения к оставлению детей — от нейтрального до караемого смертной казнью проступка перед государством.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: подкидыши; оставление детей; инфантицид; античность; римское законодательство; Соран Эфесский.

THE FATE OF ABANDONED CHILDREN IN THE GRECO-ROMAN WORLD

© *Olga A. Jarman, Galina L. Mikirtichan*

Saint-Petersburg State Pediatric Medical University. Litovskaua str., 2. Saint-Petersburg, Russia, 194100

Contact Information: Olga A. Jarman PhD, Senior Lecturer, Department of Humanities and Bioethics. E-mail: olwen2005@gmail. com

ABSTRACT: The article is analyzing the phenomenon of children abandonment, which was everyday reality of Greco-Roman world. Although opposed by some voices, the situation didn't change for a long time, being accepted by the ancient society as 'inevitable evil'. The research in the field of children abandonment has gained actuality nowadays, as the interest increases towards Greco-Roman family and woman, nevertheless, the discussion was kept during several centuries. Among the sources the most complete and most important are the Roman laws, as well as literature evidence, where one must take into the consideration the specialty of genre. The famous ancient physician Soranus of Ephesos in his survived work 'Gynekology' one of the chapters is called 'How to recognize the newborn that is worth rearing'. The abandonment was a certain alternative to infanticide, which existed in many groups of people in the ancient times. However, death was the fate of most abandoned children. One of the reason for accepting abandonment by the society was the fact that it was a source of free slave workforce. Free-born children, that were abandoned and brought up as slave, could regain their status by proving it. Christianity changed drastically the perception of the Roman state towards the abandoned children. It is noticeable, that the growing influence of Christianity and its becoming the state religion in the 4th century coincided with the trend of frowning upon the children abandonment in Roman society, considering both the aspects of morality and demographic policy of the emperors. It resulted in the complete change in Roman law regarding abandoning children in less than 3 centuries: from a neutral one to the death penalty.

KEY WORDS: abandoned children; children abandonment; infanticide; Greco-Roman world; Roman law; Soranus of Ephesus.

Одной из характерных черт античной культуры являлась двойственность, проявлявшаяся во всех сферах жизни античного человека [1], в том числе и в отношении к ребенку. Важной частью такого отношения было оставление ребенка на произвол судьбы, являвшееся повседневной реальностью жизни античной Греции и Рима. Хотя против выбрасывания детей раздавались отдельные голоса современников, в античности оно воспринималось как «неизбежное зло». Многие из оставленных детей были и физически здоровыми, и законнорожденными, однако все равно получали эту печальную участь, так как факторов, влиявших на оставление было множество. Некоторые группы людей, например стоики, египтяне [4] или иудеи, считали, что всем детям (или, по меньшей мере, только здоровым и законнорожденным) должна быть сохранена жизнь. Выбрасывание детей, ввиду малой эффективности контрацепции и опасности для жизни, связанной с произведением медицинского аборта, служило средством ограничения размеров семьи, а также пополняло ряды рабов [7]. Отрицательное отношение к этому явлению развивалось медленно [12].

Дискуссия об античном феномене «выбрасывания» или «оставления» детей велась учеными на протяжении нескольких веков. В настоящее время она снова стала актуальной. Современная эпоха характеризуется интересом к различным сторонам культурной жизни античного мира, в том числе к античной семье и античной женщине [2]. Сам факт оставления детей на произвол судьбы в античности не оспаривается в настоящее время большинством специалистов.

В греческом и латинском языках были особые термины, описывающие феномен оставления ребенка: латинскому термину «expositio» (производное от глагола exponere: (выброшенный ребенок назывался «expositus») публично выставлять, выкладывать; выбрасывать, подкидывать дитя, предоставлять на произвол; предоставлять в распоряжение) и соответствующими по смыслу греческими словами «ekthesis» и «apothesis» [10].

Источники, из которых мы узнаем о возможной судьбе оставленного ребенка, следующие: литературные (художественная литература — роман, драматургия; риторические, исторические, философские и др. тексты), правовые (законы, разъяснение по законам, рескрипты (решение императором спорных случаев)), греческие папирусы, а также археологические источники. Львиную долю занимают литературные источники, в которых следует учитывать особенности жанра. Из правовых источников самыми важными являются римские, как наиболее полно дошедшие до нас, так и из-за совершенства римской системы права.

Античность отличалась довольно развитым семейным правом, среди этих законов, существовали указания, касающиеся оставления детей. В греческих Фивах, например, существовал закон (дата точно не известна), некоторые

детали которого передает писавший по-гречески римский историк Элиан в своих «Пестрых рассказах» (II. 7). В частности там написано: «если ребенок обращен в рабство, то это спасение его от оставления на произвол судьбы». Сохранился закон о воспитании детей, приписываемый легендарному основателю Рима, Ромулу, в описании древнегреческого историка, ритора и критика I в. до н. э. Дионисия Галикарнасского (Римские древности, II. 15.2). В нем от граждан требовалось воспитать всех мальчиков и старшую дочь (относительно младших дочерей ничего не сказано), и не выбрасывать детей до 3 лет, кроме имеющих какое-либо уродство. Тех детей, которые должны были все-таки быть выброшены, отец должен был показать пяти соседям, и те должны были дать свое согласие. Этот текст, по мнению современных исследователей, не имеет никакого отношения к нравам архаического Рима, и, вероятно, Дионисий вообще описывает греческие обычаи. Собрание соседей, которые должны были вынести вердикт относительно ребенка не римский, а эллинистический. Однако в рассказе Дионисия есть и римские черты. Скорее всего, «Царские законы», в т. ч. и закон Ромула, были составлены для того, чтобы выразить «prisci mores» («исконные нравы») и основывались на общественных традициях. Данный закон, вероятно, выражал обеспокоенность граждан времен Поздней Республики большим количеством оставляемых детей [12]. Возможно, возраст 3 года указан как срок, за который родители уже наверняка привяжутся к ребенку слишком сильно, чтобы выбросить его.

Законы империи до Константина и не наказывали, и не поощряли оставление новорожденных детей [9]. Источники римского права I–III веков н. э. провозглашали два основных принципа: 1) patria potestas, власть, которой пользовался глава семьи, в отношении членов своей семьи и своих рабов. Отец (pater familias) в римской семье обладал правом выбросить ребенка (ius exponendi), которое входило в его право жизни и смерти над домашними (ius vitae ac necis); 2) свободнорожденные дети, которые были оставлены на произвол судьбы и в дальнейшем спасены, но выращены как рабы, сохраняли свое право свободнорожденного (ingenuitas).

Начиная с Константина Великого (IV в. н. э.), происходит драматическая перемена — легитимация воспитания найденышей как рабов, даже если они были рождены свободными. Это должно было остановить родителей, оставляющих детей на произвол судьбы, так как статус раба был ужасной перспективой для свободнорожденного человека. Кодекс Константина часто занимался вопросами статуса, включая обращение в рабство свободнорождённых и процедуры возвращения статуса свободного. Очевидно, закон Константина, который, как под влиянием своего христианского окружения, так и движимый желанием решить проблему оставления детей на государственном уровне, не имел желаемого эффекта, и спустя около 40 лет после смерти Константина, а именно 5 марта 374 года, императоры Валентиниан и Валент издали эдикт: «Пусть каждый питает свое потомство. Если кто оставит его на произвол судьбы, будет наказан». Грамматические формы, употребленные в латинском тексте указывают на то, что родители уже наказывались за оставление детей до выхода эдикта [12]. Это, очевидно, ссылка на эдикт от 7 февраля 374 года (Кодекс Феодосия, IX. 14. I), где оговорена смертная казнь за убийство ребенка. Сомнительно, чтобы это распространялось и на оставление ребенка. Вероятно, наказание состояло в лишении права patria potestas. Закон императора Гонория, правившего на Западе Римской империи повторяет запрет Константина на возможность предъявления впоследствии прав на ребенка родителями или хозяевами, и впервые отмечается роль церкви (спаситель ребенка обязан предъявить его епископу).

Наконец, в 529 году император Юстиниан провозгласил, что все оставленные на произвол судьбы дети, вне зависимости их статуса при рождении, считаются свободнорожденными (Кодекс Юстиниана, 8.51.3), в дальнейшем повторив этот закон еще раз, введя за неисполнение его смертную казнь [10].

Судьба оставленного ребенка, если он выживал, была незавидной. Об этом свидетельствуют, прежде всего, причины, по которым родители могли отказаться от воспитания своего ребенка. Это, в первую очередь, бедность, а также другие финансовые соображения (в том числе нежелание делить имущество среди многих наследников, что касалось и зажиточных семей), беременность незамужней девушки, беременность в результате супружеской измены, и, наконец, желание женщины ограничить число детей (например, это касалось проституток, актрис и лиц тому подобных профессий) [14]. Выбрасывали детей женщины, овдовевшие во время беременности, однако не всегда.

Василий Великий и Григорий Нисский (IV век) упоминают в своих речах, как во время голода в Каппадокии оставляли детей. В восточной части Римской империи церковь прини-

мала участие в судьбе подкидышей, чему есть свидетельства у свт. Григория Нисского в «Жизни Макрины» и у блж. Августина (V век) (Ep. 98.6). Однако организованной помощи государства в воспитании таких детей не было, существовал бизнес выращивания подкидышей на продажу как рабов и частные (христианские) благотворительные инициативы воспитания таких детей. В случае рождения тройни и четверни родители могли выбросить одного или более детей (рожать более двух детей было плохим предзнаменованием, но не всегда, часто это рассматривалось как хороший знак) [10].

Также ребенка, родившегося при всенародном бедствии, могли оставить на произвол судьбы, как несущего печать злого рока (например, римский историк Светоний описывает массовое оставление детей при вести о смерти любимого народом Германика (племянник и приемный сын римского императора Тиберия). Стыд перед общественным мнением также мог привести к тому, что ребенка оставляли на произвол судьбы. В сюжетах пьес Новой Комедии так поступают с детьми, родившимися у молодых незамужних женщин, например, в результате изнасилования, и это является основным нервом сюжета. Герои художественной литературы того времени также разделяют подобную участь.

Женщину-рабыню хозяин (paterfamilias) мог заставить выбросить ребенка, особенно, если она была кормилицей хозяйского ребенка. Хозяин не всегда хотел воспитывать ребенка-раба, рожденного в своем хозяйстве[1]. Однако обращенная в рабство женщина могла постараться хотя бы таким образом избавить своего ребенка от тяжкой судьбы. Оратор и писатель Дион Хризостом указывал, что женщины-рабыни выбрасывали детей, так как не хотели, чтобы их ребенок вырос рабом, а героиня античного романа Харитона (Повесть о любви Херея и Каллирои) страдала при мысли, что когда-нибудь дитя свободных родителей, ее и Херея, станет рабом (Харитон. Повесть о любви Херея и Каллирои, II, 8–11).[2] Однако хозяин мог потребовать выращенного ребенка назад, если узнавал его и мог доказать. Так, существует рескрипт императора Александра Севера в ответ некоему Клавдию, который выражал претензии в отношении ребенка, выброшенного его рабыней (до этого он не знал, что она его выбросила). Ответ императора — ребенка следует вернуть хозяину, но он должен заплатить за вскармливание и воспитание тому, кто этого ребенка воспитал («alimenta»).

Рождение ребенка с врожденными дефектами могло быть причиной его выбрасывания. Философ Сенека (О гневе 1.15) пишет, что здравый смысл, а не гнев, побуждает умерщвлять детей с врожденными дефектами, «si debiles monstrosique editi sunt («если они рождены слабыми и уродливыми»). Рекомендация Аристотеля выбрасывать уродливых детей отражает тот факт, что многие его современники воспитывали, а не выбрасывали таких детей. В Риме после закона Августа о «праве трех детей» родители воспитывали детей с врожденными дефектами для того, чтобы получить льготы на государственной службе. Захоронения 449 детей в колодце на агоре в Афинах были археологически изучены, и было выяснено, что большинство детей умерло своей смертью в первые часы или дни после рождения (среди них были дети, имевшие серьезные дефекты (spina bifida, волчья пасть)), а не были убиты. Вероятно, их сбрасывали в колодец повитухи уже после смерти [10].

Если женщина овдовела или развелась во время беременности, она тоже могла оставить ребенка. В кодексе Гортинских законов[3] от женщины, родившей после развода с мужем, но зачавшей ребенка, еще будучи в браке, требовалось принести ребенка в дом ее бывшего мужа при трех свидетелях. Если муж отвергал ребенка, то она имела право выбора: воспитать или выбросить его. Однако если бывшая жена выбрасывала ребенка без этой процедуры, она подвергалась штрафу, за исключением случаев, если у бывшего мужа не было дома или мужа было невозможно найти, для того, чтобы показать ему ребенка. Римский закон о детях вдов и разведенных также рассматривал подобную ситуацию. Подобные законы для разведенных существовали и в Риме. Они учитывали как право отцовства, так и право ребенка как наследника. В римских преторских эдиктах женщина должна была уведомить семью своего мужа в течение месяца после его смерти о том, беременна ли она. Беременность должны были

[1] Рабы, рожденные в доме хозяина, назывались «verna» или «vernula».

[2] Возможно, лучшие страницы романа — это ее (Каллирои) горестные разговоры с самою собой, когда, проданная в рабство, она чувствует, что она уже не одна и страдает при мысли, что когда-нибудь дитя свободных родителей, ее и Херея, станет рабом (Харитон. Повесть о любви Херея и Каллирои, II, 8–11). Дилите Д. Античная литература. Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина. М.; 2003: 193.

[3] Крит, ок. 450 г. до н. э

признать другие женщины со стороны мужа (вероятно, включая приглашенную повитуху) и присутствовать при родах, чтобы исключить возможность принесение чужого младенца и обмана (Дигесты, 25.4.1–2, Ульпиан). О возможности подмены младенца пишет Ювенал в Шестой Сатире.

Сохранился александрийский папирус августовского периода (рубеж I в н. э.), в котором представлен договор между вдовой по имени Дионисарион и ее бывшей свекровью, Гермионой. Дионисарион признает, что ей вернули приданое, и отказывается от дальнейших притязаний на имущество мужа, а Гермиона в ответ позволяет ей выбросить ребенка (своего внука) и вторично выйти замуж [12].

Возможно, приглашали повитуху или врача для того, чтобы оценить жизнеспособность и пригодность ребенка к воспитанию (вскармливанию), согласно критериям Сорана Эфесского, знаменитого античного врача, получившего титул «первого педиатра» [6].

Соран определяет, какого ребенка не стоит вскармливать. В одной из глав своего знаменитого труда «О женских болезнях», так и названном «Как распознать новорожденного, которого стоит вскармливать», он писал: «Она (повитуха) также должна рассудить, жизнеспособно ли дитя для вскармливания. Дитя, которое предназначено природой для вскармливания, можно отличить по тому, была ли его мать во время беременности в добром здравии, ибо состояния, требующие врачебной помощи, особенно поражающие тело, также приносят вред ребенку и сокрушают самые основания его жизни. Во-вторых, по тому самому, что он рожден в положенное время, лучше всего в конце девяти месяцев, или, если случится, позднее; но и также после всего лишь семи месяцев. Далее, по тому, что, будучи положенным на землю, он немедленно кричит с положенной силой; ибо тот, кто живет некоторое время без крика или кричит, но слабо, вызывает подозрение в том, что это с ним происходит ввиду его неудовлетворительного состояния. Так же по тому, что у него все в порядке во всех частях тела, членах и чувствах; что проходы, а именно: ушей, носа, глотки, уретры и ануса, — свободны от заграждения, что естественная функция каждого члена ни медленная и не слабая; что суставы сгибаются и разгибаются; что у него подобающая величина и облик, и он имеет полноценную во всех отношениях чувствительность. Это мы можем узнать, прижимая пальцы к поверхности его тела, потому что естественно ощущать боль от всего, что колется или сдавливает. А при состояниях, противоположным описанным, ребенок признается непригодным к вскармливанию» (Soranus, 10 [79]). [4]

Критерии Сорана (II. 10) для оценки того, стоит ли вскармливать новорожденного (или его следует оставить на произвол судьбы), очень широки и достаточно строгие. Если они действительно применялись, то на произвол судьбы должны были оставлять огромное число детей. Вероятно, особенно это касалось рабов.

Принятие и не-принятие ребенка в семью имело в античности свои особенности. Ребенок входил в античную семью не по рождению как таковому, а через определенные ритуалы [11]. Эти ритуалы в Древней Греции заключались в двух последовательных церемониях. На пятый-седьмой день после рождения проводилась амфидромия, праздник, при котором совершалось обнесение ребенка вокруг очага (отец в обнаженном виде и с ребенком на руках трижды обегал кругом семейный очаг); в этот день родильницей совершались очистительные жертвы, в дом друзьями и близкими присылались подарки; двери дома украшались оливковой ветвью (в честь рождения мальчика) или мотком шерсти (в честь рождения девочки). Амфидромия совершалась в узком семейном кругу. В этот же день в бедных семьях могли нарекать ребенку имя. Данный ритуал описан у Платона в диалоге «Теэтет», в котором, помимо всего прочего, упоминается возможность выбрасывания ребенка говорится как обыденность: «А после родов его полагается обнести вокруг очага и толком рассмотреть, не обманывает ли нас недостойное воспитания пустое и ложное порождение. Но может быть, ты думаешь, что в любом случае его нужно воспитывать, а не выбрасывать?» (Теэтет, 160e).[5] В зажиточных семьях имя ребенку нарекали на большом празднике, с приглашением соседей, совершавшимся в десятый день после рождения, «dekathe» и сопровождавшимся жертвоприношением, танцами, приготовлением особого пирога. В Риме были свои ритуалы принятия

[4] Temkin O., Guttmacher A.F. Soranus' Gynecology. The Johns Hopkins University Press. Baltimore and London; 1956: 79. Благодарим за помощь с вычиткой греческого текста к. ф. н. Александрову Т. Л.

[5] Сократ сравнивает отношение к детям и свой способ обучения, «майевтику», во время которого он, словно повитуха, помогает у собеседника родиться правильным мыслям и представлениям.

ребенка в семью [8]. Они заключались в обряде поднятия новорожденного ребенка с земли[6], и большого празднества (dies lustricus) с проведением особых очистительных обрядов и наречением имени (мальчикам на восьмой, а девочкам на девятый день), которое и являлось, по мнению Клёнышевой Н. Д. [5], собственно ритуалом принятия в семью: ребенок получал имя и гения (подобно тому, как сейчас в христианстве получает имя и ангела-хранителя). В дальнейшем празднование этого дня и было празднованием дня рождения (с жертвами гению, украшению его алтаря цветами, подношению ему особого пирога); его можно сопоставить с празднованием именин в христианской традиции.

Следует подчеркнуть, что убийство и выбрасывание детей после того, как они были приняты, как члены семьи, было ужасным деянием в восприятии античных людей [14].[7]

Существовали всем известные места, где оставляли детей (например, колонна (columna lactaria) на forum olitorium (овощной рынок рядом с рекой Тибр в Риме). Римский автор Фест пишет двусмысленно: «quod ibi infants lacte alendos deferebant» («потому что они приносят детей туда, чтобы вскормить их молоком»). Это можно интерпретировать как место, где нанимали кормилиц. Также детей оставляли «у грязных прудов» («lacus spurcus»), у акведуков, банях, кучах мусора за городскими стенами, перекрестках («Что говорить о подкидышах? Вместо веселых обетов Часто находят у грязных прудов их…»).[8]

Так, маленькая героиня романа «Дафнис и Хлоя» была оставлена в «пещере нимф» — месте уединенном, но священном. По Аристофану (Лягушки, 1190) Эдип был, как и многие дети афинян, выброшен в глиняном горшке. В период поздней античности детей оставляли на пороге церкви, что нашло отражение в сирийско-римском законодательстве (в одной из новелл Юстиниана).

Большинство оставленных детей были одеты; только в том случае, когда paterfamilias (отец семейства) решал, что ребенок должен умереть, его выбрасывали нагим. Некоторые родители оставляли какие-то вещи вместе с покинутым ребенком, надеясь, что он потом сможет быть узнан ими по оставленному талисману. Причиной оставления амулетов было подсознательное или сознательное желание сохранения возможности узнавания при встрече. В Риме иногда использовались погремушки, crepunolia, вероятно, амулеты, хотя есть мнение, что они играли роль погребальных даров [12].

Платон в «Государстве» (V, 460 c) говорил о выбрасывании детей «низшего класса»: «незаконнорожденного ребенка пусть…они укроют, как положено в недоступном, тайном месте; если (нежеланный) ребенок родится, пусть распорядятся с ним так, чтобы его не пришлось выращивать»; вероятно, он описывал практику выбрасывания ребенка, существовавшую в его время и переносил ее на порядки, которые должны существовать в его идеальном государстве.

Следует различать два вида намерений людей, оставляющих детей на произвол судьбы: когда совершающий это деяние надеялся (обоснованно или нет), что ребенка спасут, и когда ребенка осознанно выбрасывали на смерть. Эти намерения и определяли то место, в котором оставляли ребенка.

Оставление в надежде на спасение было судьбой большинства детей, от которых избавлялись по экономическим причинам, а незаконнорожденные дети, как и дети с пороками развития, скорее всего, оставлялись на произвол судьбы, подразумевающий смерть. Однако иногда человек, оставляющий ребенка, колебался и не был тверд в своих намерениях.

Есть два противоположных мнения о том, кого оставляли чаще, мальчиков или девочек; невозможно с достоверностью ответить на этот вопрос [17].

Знаменитое письмо в Оксиринх мужа, находящегося на заработках в Александрии, имеет смысл привести целиком:

«Иларион Алите, сестре своей, много радоваться, и госпоже моей Берузе, и Аполлонарион. Знай, что сейчас мы все еще в Александрии. Не волнуйся, если все они вернутся, а я останусь в Александрии. Прошу и умоляю тебя заботиться о ребенке, и если мы скоро получим плату, я пошлю ее тебе. Если же случится так, что ты родишь, тогда, если это будет мальчик, оставь его, если же девочка, выброс. Ты сказа-

[6] Мнения исследователей расходятся в том, кто именно осуществлял это поднимание — отец или повитуха (См. подробно об этом вопросе в докторской диссертации Клёнышевой Н. Д. Семейные культы и ритуалы в Древнем Риме. М.; 2011 со ссылкой, в том числе, на Köves-Zulauf T. Römische Geburtsriten. Munich; 1990).

[7] Так возмущались поступком императора Клавдия, потребовавшего от своей бывшей жены оставить уже принятую ею дочь-младенца (как рожденную не от него).

[8] Ювенал. Сатиры, 6.603.

ла Афродисию: “Не забывай меня”. Как могу я забыть тебя? Итак, я прошу тебя не беспокоиться. Год 29 Кесаря, Паини, 23 (примерно июнь, 1 г. до н. э.)» [16].

Как видно из письма, муж нежно заботится о жене и уже имеющемся ребенке, несмотря на сложное материальное положение. Что касается второго, еще не рожденного, ребенка, то анализ сложного языка этого письма позволил S. West предположить [18], что это ребенок зависимого члена семьи, а не жены. В любом случае, инициатива о выбрасывании ребенка исходит, по-видимому, от отчаявшейся женщины, и письмо убеждает ее оставить хотя бы мальчика.

По одному этому письму сохранившемуся, хотя и часто цитируемому, нельзя делать далеко идущие выводы, что девочек выбрасывали в целом чаще. Известно много контрактов с кормилицами из Египта периода Римской империи. В них число вскармливаемых младенцев, мальчиков и девочек, бывших подкидышей (оставленных) одинаково. Из 12 «anairetoi» (оставленные дети, которые были подброшены и воспитаны, как рабы), согласно папирусу CPapG1 имелось 6 девочек, 4 мальчика, и 2 ребенка, чей пол не указан [10].

Есть, однако, мнение, что превалирование женской прислуги в больших хозяйствах (в 6 раз по сравнению с мужской) связано с тем, что часть их была найденышами, подобранными и воспитанными в качестве рабынь. Спрос на девочек-найденышей был высок и в бордельном бизнесе, хотя в нем использовались проститутки обоего пола [12].

В городе Ашкелоне римского периода в ходе раскопок обнаружен бордель и сточная канава рядом с баней, в ней найдены останки детей. У 20 процентов этих детей пол мог быть установлен, при этом преобладали мальчики (их выбрасывали чаще, так как девочки могли продолжить профессию матери) [10].

Для оставленного младенца всегда имелась надежда на то, что кто-нибудь его подберет и воспитает (о судьбе таких найденышей мы скажем ниже), и даже быть востребованным у своего воспитателя своими законными родителями (хотя нам кажется это неправдоподобным, в римском праве оговариваются подобные случаи) [9].

Именно рабство было самой частой судьбой найденышей. Те, кто спасали брошенных детей, были заинтересованы в выгоде, и большинство спасенных становились рабами.

Дети с врожденными, но совместимыми с жизнью уродствами, могли воспитываться для сбора подаяния. Знаменитый ритор Сенека-старший в своем сочинении «Контроверсии» описывает одного человека, подбиравшего и специально уродовавшего оставленных детей, для того, чтобы они впоследствии собирали для него милостыню, вызывая жалость у прохожих (Controversiae, 10,4).

Существовала вероятность симулирования вдовой беременности и выдавание за своего ребенка подкидыша для сохранения имущества мужа, также если ребенок был мертворожденный или умер вскоре после родов. Подобная ситуация могла быть и при живом муже.

Нашедшие детей могли растить их как в статусе свободных, так и рабов, при этом римское право считало, что статус свободного от выбрасывания не меняется, и может быть возвращен, если ребенок был обращен в рабство, в случае предоставления свидетельств.

Родители оспаривали своих детей в суде, сведения об этом имеются со времен Августа. Это, безусловно, было невероятно тяжело или даже невозможно для самого ребенка, если он был воспитан в рабстве. Им требовался адвокат, adsertor, который мог принести дело перед судьей для решения вопроса о возвращении ребенку статуса свободного человека (causa liberalis). Отец (или первый хозяин, если ребенок был рожден рабом и оставлен, мог тоже потребовать его назад) должен был представить доказательства относительно установления личности ребенка. Несмотря на всю сложность этой процедуры, императорские рескрипты от Траяна до времен Диоклетиана указывают на то, что подобные заявления часто делались перед судьями на местах, правителями провинций и даже перед самими императорами [9]. Известна переписка Плиния Младшего с Траяном (Ep. X 65–66). Он уточняет у императора, как поступить с «threptoi», т. е. «теми, кто был свободнорожден, оставлен родителями, подобран и обращен в рабство». Это было в провинции Вифиния большой проблемой (так же в провинциях Ахайя (Achaea) и Вифиния-Понт. Со времен Августа императоры давали указания на этот счёт относительно других провинций. Специалисты по римскому праву расходятся во мнениях, требовалось ли возместить затраты на воспитание (alimenta) в случае востребования ставшего рабом свободного ребенка (такого ребенка) назад. Этот вопрос решался по-разному в разных провинциях, а также зависел от позиции правителя или самого императора, если таковые слушали прошение.

Случались и такие казусы, зафиксированные в документах римского права: некий Родон

воспитал найденыша-девочку и хотел женить сына на ней, но тут появился ее родной отец, и по праву, которое имел над дочерью, как paterfamilias, не дал свое согласие на этот брак.[9]

Юрист времен римского императора Антония Пия (II в. н. э) по имени Сцевола (Дигесты, 40.4.29) обсуждает случай, когда оставленная мужем (муж снова женился) жена не сказала бывшему мужу, что беременна, и выбросила ребенка. Мальчика взял и воспитал некий человек, назвав его именем его отца (очевидно, он знал, кто отец ребенка). Когда отец умер, спаситель ребенка представил ребенка матери и бабушке по отцу, и по решению суда ребенок был признан наследником отца.

Светоний пишет, что талантливый учитель грамматики Юлия Цезаря, Марк Антоний Гнифон, был свободнорожденным подкидышем, которого воспитатель вырастил, отпустил на волю и дал образование. Другой грамматик, по имени Мелисс, о котором также повествует Светоний, был рожден от свободных родителей в самом конце республиканского периода и оставлен на произвол судьбы «из-за ссоры между его родителями». Он был выращен как раб, продан Меценату и снискал его благоволение. Когда он был узнан и потребован своей матерью, он предпочел сохранить статус раба, в котором у него уже было твердое социальное положение и отказался признать свою мать. После этого Меценат отпустил его на волю, и, будучи уже вольноотпущенником, Мелисс вошел в доверие к императору Августу (Светоний. О грамматиках и риторах, 21).

Оставление детей происходило даже в императорских семьях (например, Августа и Клавдия).

Оставление часто приводило к смерти ребенка. Труп выброшенного ребенка мог использоваться для магических целей. Гален изучал трупы выброшенных новорожденных, вскрывая их.[10]

Существовали и другие свидетельства античных авторов. Источники, однако, требуют внимательного прочтения. Так, например, всем известное повествование Плутарха в «Жизни Ликурга» (16.1–2), с описанием отбора наиболее жизнеспособных детей, и сбрасыванием всех остальных в пропасть на горе Тайгет (Apothetai). Хотя это место часто цитируется в качестве иллюстрации «истинно спартанского характера», упускается из виду, что, во-первых, из всех источников оно встречается только у Плутарха, который, во-вторых, писал на много столетий позже, чем жил полу-легендарный Ликург. Как показал Marc Huys [13], это произведение продолжает утопические модели «идеального государства», восходящие к IV веку до н. э.

Философы-стоики резко возражали против оставления детей на произвол судьбы. Стоики Музоний Руф (I в. н. э.) и Гиерокл (II в. н. э.) также свидетельствуют, что этот феномен был очень распространен «Взрастить много детей — достойно и полезно», говорил Музоний. Он пишет, что бедняк выбрасывает детей по несущественным причинам, ибо даже птицы способны питать своих чад. «Но что кажется мне самым ужасным, это то, что те, которые даже не могут найти извинения в бедности, а, напротив, люди зажиточные и даже богатые, тем не менее решаются не воспитывать более поздних детей, чтобы рожденные раньше могли наследовать большее богатство… Итак, для того, чтобы их дети имели большую долю в богатстве отцов, они убивают их братьев». Обеспеченные и даже богатые (plousioi) упомянутые Музонием — безусловно, не единичные случаи. Он также указывает, что бедняки («penia») (не нищие, а работающие за малую плату) оставляют своих детей. Согласно мнению стоика Гиерокла, (цитируемого византийским автором Иоанном Стобеем, IV. 24.14), «большинство людей отказываются воспитывать некоторых из своих детей по малому уму своему, любви к богатству и оттого, что считают бедность величайшим злом» [12].

Античные люди осознавали, что феномен оставления детей является специфической чертой их культуры. Подтверждения этому мы находим в произведениях античных авторов, где подчеркивается отличие других народов в этом отношении. Так, знаменитый философ Аристотель (384 год до н. э. — 322 год до н. э.) считал отличительной характеристикой евреев заботу о детях, постоянное внимание к ним. Историк Страбон (ок. 64/63 до н. э. — ок. 23/24 н. э.) удивлялся тому, что египтяне выкармливают всех своих детей, а историк Феопомп (IV в. до н. э.) отмечал, что этруски выращивают всех своих детей. Другие античные авторы — Диодор, Страбон, Тацит, Кассий Дион — также считали подобное поведение отличительной чертой культур, лежащих вне греко-римского мира — египетской, иудейской, германской и обычаев обитателей севера Британии (современной Шотландии) [12].

[9] Кодекс Юстиниана 5.14.16.

[10] Гален описывает это в трактате «De anatomicis administrationibus», 3.5.

В римском Египте принимались законы против усыновления детей с «навозных куч», так как бездетные египтяне таким образом пытались найти себе наследника (в противном случае их имущество отходило в казну); существовали имена, так называемые «копронимы», которые давали найденышам, вероятно, в качестве апотропея (для отвращения зла) [3, 4, 10].

Авторы-иудеи, такие, как Филон Александрийский и Иосиф Флавий, в свою очередь, ясно указывали на то, что оставление детей на произвол судьбы в корне противоречило иудейским обычаям и Закону Моисееву, так как человек создан по образу и подобию Божию (Быт. 1:27). Так, Филон Александрийский — иудей, воспитанный в эллинистической культуре, писал, что божественное повеление запрещает оставлять детей на произвол судьбы и что это стало повсеместным явлением неблагочестия среди прочих народов, свидетельствующее об их природной бесчеловечности. Родители, кто совершает это, обвиняются Филоном в гедонизме, мизантропии, убийстве, и — самом страшном преступлении — детоубийстве. «Некоторые совершают это деяние собственноручно, душа детей или топя их», пишет Филон, «другие относят детей в пустынные места, оставляя их, как они говорят, с надеждой на то, что они будут спасены, но на самом деле обрекая их на самое злое из бедствий», так как они становятся пищей зверей и птиц. Иногда прохожие жалеют их и подбирают. Те же, кто убивает младенцев — жестокие и безжалостные люди, заключает Филон Александрийский [12]. Его возвышенный тон свидетельствует о некотором преувеличении жестокости нравов «прочих народов» и апологетической направленности, характерной как для иудеев, так и позже для христиан, так как обе эти группы верующих должны были оправдываться перед язычниками от подозрений в якобы совершаемых среди них непотребствах. Существуют, однако, исследования, в которых говорится о наличии феномена оставления детей и в иудейских семьях, несмотря на осуждение иудейской среды и неприятия этого явления в целом.

Христиане категорически отвергали и порицали практику оставления детей. Уже в Дидахе и Послании Варнавы, ранних памятниках христианской письменности, носящих во многом следы иудейской культуры, в лоне которой формировалось раннее христианство, порицается практика оставления детей. Мученик Иустин Философ, христианский апологет, писавший в середине II в. н. э., считал, что не единицы, а большинство оставленных детей выживали (и становились рабами-проститутками) (1 Апология, 27); это могло привести к инцесту.[11] Инцест был страшен и отвратителен для язычников, как несмываемая религиозная скверна, и именно этим Иустин парировал обвинения в тайных грехах, которые несправедливо предъявляли христианам язычники. Тертуллиан, [12] христианский апологет, в своем сочинении «К жене» (I,5) говорит, что язычники желают избавиться от детей, как от бремени.

Как писал христианский апологет Афинагор («Предстательство за христиан», 35.6), христиане считали равнозначным детоубийство и оставление на произвол судьбы. Другой христианский апологет Лактанций (ок. 250 — ок. 325 гг.) писал: «Неужели могут считаться невинными те, кто плод свой бросают собакам, не понимая, что оказываются столь же жестокими, как если бы их задушили?.. рожденных детей или душат, или, если бывают сердобольны, подкидывают».[13]

Христианские писатели, такие как Минуций Феликс,[14] Климент Александрийский, Ориген, Мефодий Патарский, авторы «Послания к Диогнету», «Апокалипсиса Петра», «Апокалипсиса Павла» также категорически осуждали оставление детей. Установление христиан, принимавших иудейские Писания Ветхого Завета, было укоренено в библейской традиции, в которой Господином человеческой жизни является только Бог, но не чело-

[11] «Мы, чтобы никого не беспокоить и самим не грешить, держимся таких мыслей, что подкидывать новорожденных младенцев есть дело худых людей; во-первых потому, что почти все такие — мы видим — не только девочки, но и мальчики употребляются на любодейство, (…) кто-нибудь из пользующихся ими, сверх безбожного, нечестивого и бесстыдного смешения, совокупляется, если случится, с своим сыном, или родственником или братом» (Иустин Философ. 1-я Апология, 1, 27).

[12] «сколько таких, которые пожелают дозволить мне толкнуться к совести их с вопросом, кто умерщвляет собственных детей. Действительно, есть различие и в способе умерщвления. Во всяком случае более жестоко лишать дыхания водою, выбрасывать на холод, голод и собакам» (Тертуллиан. Апологетик, 9).

[13] Лактанций, «Божественные установления» 6, 20, 18–26.

[14] «повсюду сеете детей своих, и рожденных дома часто бросаете, рассчитывая на чужое сострадание» (Минуций Феликс. «Октавий», 32,4).

век, даже не родитель [15]. Это отличало библейский менталитет от античного, который воспринимал ребенка в категориях права и собственности родителей. Апологет христиан Лактанций, говорил о том, что каждый человек, в том числе и новорожденный, является священным существом («sacrosanctum animal»), находится под защитой Создателя и тем самым стоит вне безграничной власти родителей. В этом он был согласен с матерью мучеников Маккавеев, сказавшей: «я не знаю, как вы явились во чреве моем; не я дала вам дыхание и жизнь; не мною образовался состав каждого… Творец мира, Который образовал природу человека и устроил происхождение всех…» (2 Макк. 7: 22–23).

Таким образом, оставление детей в Древней Греции и Древнем Риме было явлением повседневной жизни. В каком-то смысле это явление было альтернативой инфантициду. Одной из причин толерантного отношения к нему общества было то, что оно давало дополнительные рабочие руки. Судьба детей подкидышей могла сложиться по-разному, но редко была счастливой. Хотя большинство современных авторов склоняются к мысли о том, что оставление детей вело не к резкому росту смертности, а к «перераспределению» и «ре-циркуляции» их в обществе, нет сомнения, что оставление часто приводило к смерти ребенка и большое количество детей погибало от холода, голода, диких зверей и уличных собак. Спасенные дети также подвергались опасности, несомненно, что они, подобно найденышам старинных приютов, умирали в течение нескольких дней. Свободнорожденные дети, которые были оставлены на произвол судьбы и в дальнейшем спасены, но выращены как рабы, сохраняли свое право свободнорожденного (ingenuitas) и могли в дальнейшем получить свободу, доказав свой изначальный статус. Христианство значительно изменило отношение государства к детям-подкидышам в Римской империи. Примечательно, что рост влияния христианства и провозглашение его как государственной религии в конце IV века совпало во времени с тенденцией римского общества более негативно воспринимать оставление детей, как с моральной точки зрения так и в соответствии с демографической политикой императоров. В результате менее чем за три века в Римской империи произошла перемена правового отношения к оставлению детей — от нейтрального до караемого смертной казнью проступка перед государством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. Античный риторический идеал и культура Возрождения. Риторика и истоки европейской культурной традиции. М.: ЯКМ; 1996.
2. Блаватская Т. В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М.: Наука; 1983.
3. Джарман О. А. Статус женщины в Древнем Египте. Медицина и организация здравоохранения. 2017; 2 (1): 48–56.
4. Джарман О. А., Микиртичан Г. Л. Статус и отношение к ребенку в Древнем Египте. Российский педиатрический журнал. 2014; 5: 53–58.
5. Клёнышева Н. Д. Рождение ребенка в древнеримской семье: боги и ритуалы. Диалог со временем. 2010; 33: 260–273.
6. Троицкий И. В. Соран Эфесский как первый педиатр вечного города. Доклад XI Международному медицинскому конгрессу в г. Риме. Киев: тип. Ун-та Св. Владимира; 1895.
7. Boswell J. The Kindness of Strangers: The Abandonment of Children in Western Europe from Late Antiquity to the Renaissance. New York: Pantheon Books; 1988.
8. Dixon S. The Roman Mother. London-Sydney: Routledge; 1988.
9. Evans Grubbs J. Church, State, and Children: Christian and Imperial Attitudes Toward Infant Exposure in Late Antiquity. In: A. Cain, N. E. Lenski. The Power of Religion in Late Antiquity. London and New York: Routledge; 2009.
10. Evans Grubbs J., Parkin T., Bell R. The Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World. Oxford: Oxford University Press; 2013.
11. Golden M. Children and Childhood in Classical Athens. Baltimore and London: The John Hopkins University Press; 1993.
12. Harris W. V. Child-Exposure in the Roman Empire. The Journal of Roman Studies. 1994; 84:1–22.
13. Huys, M. The Spartan Practice of Selective Infanticide and its Parallels in Ancient Utopian Tradition. Ancient Society. 1995; 27: 47–74.
14. Kudlien F. Kindesaussetzung im antiken Roman: ein Thema zwischen Fiktionalitat und Lebenswirklichkeit. Groningen Colloquia on the Ancient Novel. 1989; 2: 25–44.
15. Koskenniemi E. The Exposure of Infants among Jews and Christians in Antiquity. Sheffield Phoenix Press; 2009.
16. McKechnie, P. An Errant Husband and a Rare Idiom (P. Oxy. 744). Zeitschrift fur Papyrologie und Epigraphik. 1999; 127: 157–61.
17. Rawson B. Children and Childhood in Roman Italy. Oxford: Oxford University Press; 2003.
18. West, S. Whose Baby? A Note on P. Oxy. 744. Zeitschrift fur Papyrologie und Epigraphik. 1998; 121: 167–172.

REFERENCES

1. Averintsev S.S. Antichnyy ritoricheskiy ideal i kul'tura Vozrozhdeniya. Ritorika i istoki evropeyskoy kul'turnoy traditsii. [The Greco-Roman ideal and the Renaissance culture. Rhetoric and the beginning of the European cultural tradition]. M.: YAKM; 1996. (In Russian).
2. Blavatskaya T.V. Iz istorii grecheskoy intelligentsii ellinisticheskogo vremeni. [About Greco-Roman intelligentsia of Hellenistic time]. M.: Nauka; 1983. (In Russian).
3. Jarman O.A. Status zhenshchiny v Drevnem Egipte. [Status of a woman in Ancient Egypt]. Meditsina i organizatsiya zdravookhraneniya. 2017; 2 (1): 48–56. (In Russian).
4. Jarman O.A., Mikirtichan G.L. Status i otnoshenie k rebenku v Drevnem Egipte. [Status and treatment of the child in Ancient Egypt]. Rossiyskiy pediatricheskiy zhurnal. 2014; 5: 53–58. (In Russian).
5. Klenysheva N.D. Rozhdenie rebenka v drevnerimskoy sem'e: bogi i ritualy. [Childbirth in the Roman Family: gods and rites]. Dialog so vremenem. 2010; 33: 260–273. (In Russian).
6. Troitskiy I.V. Soran Efesskiy kak pervyy pediatr vechnogo goroda. Doklad XI Mezhdunarodnomu meditsinskomu kongressu v g. Rime. [Soranus of Ephesus as the first pediatrician of the 'eternal city']. Kiev: tip. Un-ta Sv. Vladimira; 1895. (In Russian).
7. Boswell J. The Kindness of Strangers: The Abandonment of Children in Western Europe from Late Antiquity to the Renaissance. New York: Pantheon Books; 1988.
8. Dixon S. The Roman Mother. London-Sydney: Routledge; 1988.
9. Evans Grubbs J. Church, State, and Children: Christian and Imperial Attitudes Toward Infant Exposure in Late Antiquity. In: A. Cain, N.E. Lenski. The Power of Religion in Late Antiquity. London and New York: Routledge; 2009.
10. Evans Grubbs J., Parkin T., Bell R. The Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World. Oxford: Oxford University Press; 2013.
11. Golden M. Children and Childhood in Classical Athens. Baltimore and London: The John Hopkins University Press; 1993.
12. Harris W.V. Child-Exposure in the Roman Empire. The Journal of Roman Studies. 1994; 84: 1–22.
13. Huys, M. The Spartan Practice of Selective Infanticide and its Parallels in Ancient Utopian Tradition. Ancient Society. 1995; 27: 47–74.
14. Kudlien F. Kindesaussetzung im antiken Roman: ein Thema zwischen Fiktionalitat und Lebenswirklichkeit. Groningen Colloquia on the Ancient Novel. 1989; 2:25–44.
15. Koskenniemi E. The Exposure of Infants among Jews and Christians in Antiquity. Sheffield Phoenix Press; 2009.
16. McKechnie, P. An Errant Husband and a Rare Idiom (P. Oxy. 744). Zeitschrift fur Papyrologie und Epigraphik. 1999; 127: 157–61.
17. Rawson B. Children and Childhood in Roman Italy. Oxford: Oxford University Press; 2003.
18. West, S. Whose Baby? A Note on P. Oxy. 744. Zeitschrift fur Papyrologie und Epigraphik. 1998; 121: 167–172.